

Консолидации национальных особенностей каждой из южно- и восточнославянских литератур в значительной степени способствовал и фольклор.

Взаимоотношение литературы и фольклора было в средневековье иным, чем в новое время. В новое время фольклор отличен от фольклора средневековья средой своего распространения. Это словесное искусство народа. Фольклор если и не носит социально однородный характер (различные идеологические пласты русского фольклора XVIII—XX вв. постоянно отмечались в русской фольклористике), то все же в целом по преимуществу принадлежит народу. Для представителей господствующих слоев фольклор служит в новое время лишь дополнительным и в известной мере чужеродным явлением: особым по своим идеям, особым по языку, образной системе, художественным средствам. Разумеется, фольклор привлекается в литературу, особенно в XIX в. — реалистического направления, для ее «оживления», для придания ей своеобразного, народного колорита, для выражения народности и при необходимости выразить сочувствие народу. Иными словами, даже и при своем привлечении в литературу фольклор воспринимается как в известной мере чужеродный, посторонний литературе элемент, но тесно связанный со своей, народной средой. Ощущение особого характера тех или иных элементов фольклора в литературе — необходимый компонент его использования писателем. Обращение к фольклору в литературе нового времени всегда носит более или менее сознательный характер, оно входит в художественный замысел произведения. Это использование инородного художественного материала, при котором сознание чужеродности, особого происхождения этого материала не утрачивается. Таким образом, в новое время фольклор и литература в некоторой степени противостоят друг другу — даже тогда, когда литература использует фольклор.

Иное в средние века: здесь фольклор не только по другому противостоит литературе, но и дополняет ее. Рассмотрим это взаимоотношение фольклора и литературы.

В древнейший период истории славянства фольклор не ограничен социально: он живет во всех слоях населения. Мы имеем свидетельства об исполнении устных музыкальных и словесных произведений на лирах у князей и вельмож, при похоронах князей («плачи»). Этих свидетельств немного, так как фольклор не обращал на себя внимание как нечто исключительное, но их все же достаточно, чтобы судить о том, что фольклор не был ограничен какой-либо определенной социальной средой. Фольклорные произведения исполнялись и слушались во всех слоях общества. В литературе (в частности, в летописях, житиях, учительных словах) мы имеем признаки того, что в Древней Руси существовали исто-

рические произведения, славы и плачи, пословицы, поговорки, произведения шутливые и произведения, связанные с языческими обрядами. Можно допустить, что существовали сказки (письменных свидетельств о них не сохранилось, но сами по себе сказки несут следы очень древнего происхождения) и обрядовые песни. Фольклор, очевидно, был представлен в своих жанрах не менее полно, чем в новое время, но, может быть, обладал и некоторыми жанрами, которых в более позднее время не сохранилось вследствие социального ограничения фольклора и отмирания язычества. Во всяком случае, в новое время нет свидетельств о существовании слав и песен в честь героев, о которых упоминает Я. Длугош¹ и признаки существования которых есть в летописи и в «Слове о полку Игореве». Это была относительно полная система удовлетворения потребностей новой религии. Фольклор был и остался если не языческим, то по крайней мере не христианским. Христианство было первой областью духовной жизни человека, которая не могла обслуживаться традиционным фольклором. В дальнейшем же намечаются и некоторые другие области: область сложного исторического знания, требовавшего не эпического обобщения истории, а точных сведений о тех или иных событиях и точной хронологической их приуроченности, затем — область публицистики, область науки и т. д.

Следовательно, в отличие от нового времени фольклор существовал во всех слоях общества, но в средние века в высших слоях общества он уже не мог удовлетворять всех потребностей в художественном слове. Удовлетворению этих новых потребностей высших, образованных слоев общества стала служить литература. В отличие от нового времени литература не насыщала всех потребностей в художественном слове, а только те из них, которые не мог удовлетворить фольклор.

Отсюда понятно, почему в древнеславянских литературах была слабо развита лирика. Потребность в ней во всех слоях общества обслуживалась фольклором. Лиричность была в высшей степени свойственна литературе, но она не составляла в ней отдельной области. Письменной лирической поэзии не было, так как существовала устная лирическая поэзия, распространенная во всем обществе — от низу до верху. То же мы можем сказать и о всех формах развлекательной литературы. Развлекательность была по преимуществу представлена фольклором — в частности сказкой. Правда, развлекательность была в известной мере свойственна и древнейшему периоду славянских литератур, но по преимуществу в ее переводной части. Сюда в переводную литературу, она также проникала с трудом, переводились те произведения развлекательной литературы, которые принимались за познавательные — «Александрия», «Девгениево деяние», апокрифы и пр. Развлекатель-

¹ См.: Соловьев А. В. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Ист. записки. 1948. № 25. С. 48.

тельность существовала в литературе, но не в виде отдельной области со своими жанрами. Она не занимала в ней признанного и «законного» места, а существовала как бы подспудно.

Таким образом, если в новое время фольклор и литература — это две более или менее независимые друг от друга области, обслуживающие две различные среды, то в средние века — это тесно спаренные области. Если в новое время литература и обращается к фольклору, то как к чему-то лежащему вне ее, самостоятельному. В средневековые же обе системы (фольклора и литературы) несамостоятельны друг относительно друга. Особенно эта несамостоятельность выражается в литературе. Система жанров литературы дополняется рядом фольклорных жанров. Литература целиком не может еще удовлетворить всех потребностей в художественном слове. Христианская религия и публицистические потребности, возросшее историческое сознание и начатки научных представлений ищут своего художественного выражения в письменности. Однако потребность в лирике, в оформлении художественным словом еще не порвавшего целиком с язычеством быта не могут удовлетворяться письменностью. Именно благодаря этому литература должна дополняться фольклором, но она мало с ним смешивается.

Постараемся коротко объяснить это явление. Прежде всего следует заметить, что систематические записи фольклора до XVII в. в южно- и восточнославянских литературах отсутствуют. В этих записях нет нужды, так как фольклор не воспринимается как нечто редкое или исчезающее. Фольклорные произведения распространены больше, чем литературные. Скорее, поэтому можно было бы ожидать, что литературные произведения передавались в какой-либо форме изустно, но свидетельств (прямых или косвенных) об этом не сохранилось. Записи фольклорных произведений начинают делаться только тогда, когда между литературой и фольклором намечается в сфере их распространения социальная дифференциация, когда фольклор уходит из городов, становится в городе редкостью и когда он уходит из высших слоев общества. Тогда появляются не только записи, но и стремление выразить свои лирические чувства в подражаниях фольклорным песням. Таковы песни, записанные или, вернее, написанные в XVII в. П. А. Самариным-Квашниным¹. Не случайно, что Самарин-Квашнин был представителем высшего класса общества: он пишет свои фольклорные песни, так как подлинная фольклорная лирика в XVII в. уходит из боярской и дворянской среды, но еще не заменилась лирикой книжной. Для выражения своих любовных чувств П. А. Самарин-Квашнин обращается к привычным формам народной лирики.

Отсутствие более или менее точных записей фольклора в древнейших южных и восточных славянских литературах объясняется еще и следующей причиной. Язык литературы и фольклора, их

¹ См. работу о нем: Филиппова И. С. Песни П. А. Самарина-Квашнина // Изв. АН СССР. Серия ОЛЯ. 1972. Т. XXXI, вып. I. С. 62—66.

стилистический строй были резко отличны друг от друга. По-видимому, казалось невозможным просто записать устное произведение, сделать его письменным, не меняя его формы. Этого не мог допустить литературный этикет¹. Устное произведение можно было только переизложить. Но тут возникает вопрос: что вообще могло быть записанным из того, что было произнесено устно? Записывались в кратком виде речи послов, речи, произнесенные перед битвой (ободрения воинам), исторически значительные слова, произнесенные историческими лицами. Если речи содержали народные сентенции (поговорки и пословицы), эти последние сохранялись и попадали в летопись, исторические повести, жития. В переизложении летописца использовались для исторической информации сказания, исторические песни и былины. В этом случае исторический эпос как бы «просеивался» через представления летописца о том, что он считал заслуживающим внимания. Наконец, в сокращенном виде в литературное произведение могли попадать слова плачей. Летописец или агиограф, сообщая об оплакивании князей народом, «цитировал» и слова этого оплакивания; он придавал им (в некоторой их части) документальное значение. Одним словом, фольклор отражался в летописи в той же мере, в какой он мог восприниматься со своей очень ограниченной документальной и информационной стороны в представлении древнего книжника.

В русской литературе отразился не только русский фольклор, но и иноязычный: скандинавский² и половецкий³. Условия этого отражения те же: использовалась по преимуществу информационно-«документальная» сторона фольклора.

Но между фольклором и литературой в средневековье следует отметить не только разграничения. Между ними есть генетическая связь. Многие традиционные образы, сравнения, метафоры и символы восходят к общим корням — и в письменности, и в народном творчестве. Благодаря этому общие художественные приемы и общая система образов оказываются не только между фольклором и литературой одной народности, но и разных народностей.

¹ О литературном этикете см.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.; Л., 1967. С. 84—108. Изд. 2-е. Л., 1971. С. 95—122. Изд. 3-е. Л., 1979. С. 80—102.

² См. об этом на с. 18—19.

³ Приселков М. Д. Летописание Западной Украины и Белоруссии // Учен. зап. ЛГУ. Серия исторические науки. Вып. 7. Л., 1941. С. 9—11 (половецкая песнь об Алтунопее); другие следы половецкого эпоса в Ипатьевской летописи под 1151 г. (в рассказе о смерти Севенча Боняковича), под 1185 г. (в рассказе о споре Кончака с ханом Кзой), под 1201 г. (известная легенда о траве евшан). См. также в «Повести временных лет» под 1114 г. лопарский рассказ о маленьких оленях, выпадающих из туч и разбегающихся по земле; в Ипатьевской летописи под 1217 г. приводится венгерская поговорка («острый меч, борзый коню — многая Русь»), под 1215 г. приводится прусская поговорка («можете ли древо поддържати сулицами»); знание литовской мифологии отчетливо сказывается в той же Ипатьевской летописи под 1252 г.

Этот общий материал может роднить переводную литературу и оригинальную, Библию и славянский фольклор. В фольклоре и литературе рассыпаны многочисленные традиционные сравнения всего идеального и доброго со светом, а злого и враждебного с тьмой. И в фольклоре, и в литературе обычны уподобления действительности морю, человеческой судьбы — кораблю, волнений — волнам. В фольклоре и литературе мутная вода — печаль, символ горя — шатающееся или увядающее растение, символ горюющей женщины — жалобно поющая птица, героя — орел (или сокол, кречет, ястреб у славян) и т. д.

Показательны данные сравнения образной системы летописи и народной поэзии, приводимые А. Н. Робинсоном. И в летописи, и в народной поэзии одинаковыми приемами подчеркивается не-сметное количество врагов. И в летописи, и в эпосе одинаковы уподобления осаждающего город врага лесу. И тут и там враги идут, как дикие звери. Одинаково говорится о «стоне» земли под тяжестью врагов. Одинаковы сравнения войска врагов с темной тучей. В исторических повестях и в эпосе одинаково говорится о том, что стрелы в ожесточенном сражении летят, как дождь, оружие тупится и его не хватает в битве. Голос героя в литературе и в эпосе сравнивается с трубой трубящей. И в воинских повестях, и в эпосе панцирь сияет на герое, как солнце; от крови в сражении текут реки; трупами замощена земля; количество поверженных врагов так велико, что и коню нельзя «скочить» по земле. Битва одинаково сравнивается с пашней, с током, на котором молотят хлеб цепями; воины секут людей, как траву; побитые враги падают, как снопы. И в письменности, и в народной поэзии битва сравнивается с пиром¹ и т. д.

Отдельные образы, формулы и художественные приемы роднят с фольклором такое необычное с точки зрения своей жанровой природы произведение, как «Слово о полку Игореве». Образы и формулы народной поэзии смогли проникнуть в такие нестационарные по жанру произведения, как «Поучение» Владимира Мономаха, «Слово о погибели Русской земли», «Повесть о разорении Рязани Батыем», в отдельные пассажи летописи.

В целом литература и фольклор в эпоху средневековья соотносились между собой как два объема, имеющих некоторую общую часть, но в остальном ведущих самостоятельное существование, причем различие в этом самостоятельном существовании состояло в том, что фольклор целиком удовлетворял эстетическим потребностям трудового народа в художественном слове, а литература охватывала только те области, которые превышали возможности фольклора. В сфере потребностей верхов феодального общества литература и фольклор дополняли друг друга, объединяясь в единую систему.

¹ Примеры взяты из статьи А. Н. Робинсона «Фольклор» в «Истории культуры древней Руси». Под ред. Н. Н. Воронина и М. К. Каргера (М.: Л., 1951. Т. 2. С. 154—161).